

— И самое последнее, — сказала начальница и переложила на столе бумаги слева направо.

В правой стопке бумаг было намного больше, чем в левой, и это означало только одно — совещание заканчивается. Все шевельнулись было и снова замерли как замороженные. Шевелиться раньше времени дело опасное по многим причинам. *Сама* могла рассердиться и начать язвить, и не было ничего хуже для сотрудников, чем ее язвительность. Никогда не известно, куда она может завести! Бывали случаи, люди увольнялись, если начальницу уж слишком заносило!

— Завтра утром я улетаю в Петербург на встречу с Садовниковым. Вернусь вечером, и мы сразу проведем еще одно совещание по результатам этой встречи. Возможно, она многое изменит в сегодняшней расстановке сил. Я прошу начальников отделов быть к этому готовыми. Уважаемые господа начальники, вы все меня слышали?

Господа вразнобой покивали, но настырная главная редакторша еще и каждому в лицо посмотрела, как бы зафиксировала взглядом, что все «слышали».

— Андрей Борисыч, ты меня слышал?

Андрей Борисыч выглянул из-за высокой спинки чужого кресла и сурово кивнул. Он чудесно устроился — все совещание черкал в блокноте, хмурил брови и пытался своей ногой настигнуть под столом ногу Та-

милы Гудковой, возглавлявшей отдел «Business-леди». В редакции поговаривали, что Гудкова спит с Константиновым, основным фаворитом главной редакторши, но никто особенно в это не верил. Кто же в здравом уме и твердой памяти решится крутить амуры под носом у волчицы, которая считает тебя своей собственностью?!

В блокноте Андрей Борисыч черкал стишата, которые в процессе совещания «рождались у него в голове». Была у него некая тайная думка, когда всех выпустят на волю, показать стишата Гудковой — вдруг оценит, вдруг поймет?.. Все совещание он сочинял и согревал себя приятной мыслью о пораженной в самое сердце Гудковой, и грезилось ему, как в курилке, в облаках табачного синего дыма вдруг вспыхнут изумлением ее фиалковые глаза, и удивленно дрогнут всегда такие неприступные губы, и, оглянувшись по сторонам, она скажет смущенно: «Зачем вы так, Андрюша?..» — и протянет блокнотик, и вечером они пойдут гулять на Патриаршьи пруды, а вокруг Малая Бронная, подсвеченная тусклыми огнями магазинчиков и темнеющая куртинами старых московских лип, и...

Глаза у нее никакие не фиалковые, конечно, а неопределенного, то ли серого, то ли карего, цвета. Неприступные губы он тоже выдумал — губы как губы, так себе, ничего необычного. И гулять с ней некуда — как только рабочий день заканчивался, она в ту же минуту садилась в свою машину, и фьюи-ить, нет ее.

Но красиво, красиво, черт побери, особенно вот это, про куртины старых московских лип — каково? Скажете, нет образа? Конечно, есть, вот он, образ: так и видится кривая московская улочка, пахнувшая нагретым за день асфальтом, липовым цветом и горячей едой из закусочной, девушка на тоненьких каблукках, «мулатка, просто проходящая», и он, белеющий в темно-

те рубахой, с распушенным галстуком, закатанными рукавами, перекинувший через плечо свой пиджак и ее сумочку, и...

— Але!! Станция?! Барышня, дайте Смольный! Смольный дайте, барышня!

Тут Андрей Борисыч так струхнул, что даже блокнотик уронил, листочки разлетелись. Он сунулся их собирать, а Гудкова, из-за которой он так размечтался, даже не помогла, только ногу подвинула, тоненький каблук царапнул пол.

Главная, когда Андрей Борисыч вылез, смотрела ему прямо в глаза и впрямь как волчица, не отрываясь и не моргая.

— Да-да, — сказал он растерянно, и Константинов, ее фаворит, отчетливо хмыкнул. — Я все понял.

— Что ты понял, Андрей Борисыч? Повтори!

— Завтра вечером совещание, после того, как вы из Питера вернетесь, а от него многое зависит...

— Послал бог сотрудников! — сказала главная весело. — Не от совещания зависит, горе мое, а от нашей встречи с Садовниковым! И пусть только кто-нибудь попробует совещание продинамить! Уволю без выходного пособия!

— А отдыхать-то когда, если круглые сутки работать? — спросил Константинов и покрутил ногой в дикий остроносом ботинке.

— Отдыхать будете в Пицунде, — отрезала начальница. — В Москве все работают. Если мы проштудировали все вопросы, то я никого не задерживаю. Всем спасибо, все свободны.

Команда вразной поднялась и, на ходу разговаривая, потянулась к двери. Волчица из своего логова наблюдала за исходом, а потом, конечно же, сказала мюллеровским голосом:

— А Константинова и Полянского я попрошу остаться!

— Вау! — под нос себе пробормотал начальник компьютерного отдела Бэзил Gotten Пивных. — Западло! Облом, блин!

Великие программисты в редакции газеты «Власть и Деньги» имелись в количестве двух штук. Вышеупомянутый начальник отдела Бэзил Gotten Пивных и его заместитель по имени Алекс Killer Кузьев.

Неизвестно, кто и когда внушил пацанятam, что они не просто крутые «юзеры», а самые что ни на есть натуральные хакеры и «программеры» высочайшего уровня, но они в это свято верили. Их не разубеждали, во-первых, потому, что никому особенно не было до них дела, а во-вторых, потому, что с версткой и дизайном они более или менее справлялись. Кроме того, вносили во «взрослую», «политическую» редакцию приятное разнообразие — шикарно пили пиво и еще какие-то напитки под названием «натуральный солод», говорили непонятными до ужаса словами, время от времени «проводили атаки» на чью-нибудь почту, и вдруг компьютер через слово начинал прибавлять «твою мать», такая потеха!.. К примеру, вот письмо главной в хозяйственную службу: «Уважаемая Анна, твою мать, Петровна! Прошу, твою мать, вас выделить, твою мать, дополнительные компьютеры, твою мать, для обеспечения, твою мать, отдела...» — и так далее. Крутые «программеры» выли от смеха, давились «натуральным солодом» и бились головой «в клавишу» — компьютерные клавиши. Иногда им неожиданно удавалось избавить редакционные компьютеры от залетного вируса — это называлось «лечить комп от вирусов». Для этого писались «проги» — программы — и обсуждались в курилке специальными солодово-программистскими голосами.

Главная редакторша называла их бандерлогами и после долгих препирательств разрешила даже в список редакции вписать имена именно так, как им хотелось, — с «никами». Это было смешно и тоже вносило разнообразие во взрослую жизнь.

А то что такое?!

Вот, к примеру, Валерия Любанова, главный редактор. Александр Константинов, креативный директор. Роман Полянский, первый заместитель главного редактора, — скукота, скукотища!..

А тут — бац, получи, фашист, гранату: Бэзил Gotten Пивных, Алекс Killer Кузьев! Пивных в прошлой, докомпьютерной, жизни именовался, ясное дело, Василий, а Кузьев крещен был Алексеем, но какое это имеет значение! Девчонки падали замертво, а, может, бандерложкам казалось, что замертво, но, во всяком случае, просто Пивных и Кузьев никогда не добились бы такой популярности в массах, как Gotten и Killer!

У них были простецкие юношеские физиономии, круглые головы, несколько облагороженные определенным вольтерьянством в виде чубов и косичек. На совещаниях они в основном помалкивали, потому что «взрослые» в большом количестве их пугали, и, завидев в коридоре Валерию Алексеевну, они, бывало, срывали с вольтерьянских лбов высокохудожественно-креативные банданы и пихали их в карманы — вот бандан на своей территории главная решительно не допускала! Они очень любили слово «пенис» и страшно гордились собой, когда лихо его произносили, обращались друг к другу «сын мой» и все в той же курилке втолковывали тем, кто соглашался их слушать, что они «вовсе безбашенные и по молодости творили черт знает что, потому не следует считать их пай-мальчиками и покладистыми котятками».

— Вася! — нежно позвала главная Бэзила Gotten Пивных. — Ты что-то имеешь мне сказать?

Gotten Пивных, который ничего не имел сказать, завел глаза к потолку и выдал что-то в том смысле, что «должен срочно валить, потому что второй сидок опять не пашет».

— Ну, понятно, — согласилась Валерия Алексеевна, которой всегда удавалось держать своих бандерлогов в некотором подобии сознания, — тогда обломись, все высказывания в мой адрес за дверью, пожалуйста.

Бэзил моментально подался к двери и проворно выскочил, чуть не столкнув с пути секретаршу Марьяну, которая направлялась в кабинет главной с кофеем и какими-то шоколадными бирюльками в кружевных бумажках.

— Черт! — не по-секретарски выразилась Марьяна. Кофе из высокого стеклянного кофейника плеснул на белоснежную салфетку. Придется теперь все менять, не подавать же так, с коричневыми неприличными следами!

— Марьяш, мне чаю, я кофе не потребляю, ты не забыла? — попросил выглянувший из-за стеклянной двери Константинов и улыбнулся ей. Она моментально расцвела в ответ такой улыбкой, какой никогда не улыбалась Бэзилу Gotten Пивных, и кивнула так, что золотое сияние прошло по волосам.

Вот почему, почему в жизни все так несправедливо?! Вот встретится прикольная девчонка, супер просто, только заценишь, только начнешь клинья подбивать, а тут какой-нибудь папик, вроде этого Константинова, — и готово дело, нет девчонки! На тебя ноль внимания, как будто в природе не существуешь, а папику все, что хочешь, включая свою бессмертную душу и трепетное тело! А из-за чего?! Из-за того, что у него тачка крутая, что ли, или рубаха белая с брилли-

антовыми блюдами на запястьях?! Измельчал народ, ох измельчал, и девчонки измельчали! Подавай им богатеньких папиков вместо нормальных ребят!..

Марьяна торопливо меняла салфетку и на Бэзила Gotten даже глаз не поднимала. Он потоптался рядом, вытащил из кармана диковинный телефон на длинной цепочке и покрутил его, как Том Сойер дохлую крысу.

Телефон впечатления не произвел.

— Чего тебе, Вася? — спросила Марьяна таким тоном, каким воспитательницы в детском саду вопрошают воспитуемых, если те подолгу таращатся на них, сунув палец в рот. — Кофейку налить?

На столе, среди бумаг, полупустых, сверстанных наспех полотен и записных книжек, зазвонил мобильный телефон, засиял разноцветными лампочками, и бумаги задрожали и поехали. Марьяна покосилась на аппарат, но отвечать не стала — вот как торопилась чай Константинову подать!

— У тебя труба звонит.

— Я вижу, Вася. Помоги мне, пожалуйста.

Она снова подняла поднос и улыбнулась — *эта* улыбка из серии: «Чего тебе, мальчик?» не шла ни в какое сравнение с той, адресованной папику.

Бэзил Gotten Пивных, начальник компьютерного отдела, подскочил и открыл перед ней стеклянную дверь. Марьяна зашла, и тяжелая дверь медленно и лениво захлопнулась за ней. Бэзил только успел расслышать фамилию Баширов и еще опасное слово «компромат».

Впрочем, нам-то что за дело? Они, «ламеры недопатченные», то бишь недоумки отсталые, небось думают, что делом занимаются, а на самом деле протирают свои штаны, за которые кучу бабла отвалили, насиживают геморрой, на что только девчонки покупаются, загадка!..

Вернулась Марьяна с пустым подносиком, снизу вверх кивнула Бэзилу головой и уселась на место. Он еще потоптался. Ему хотелось куда-нибудь ее пригласить.

— Слушай, ты это!..

— Что?

— Ты по вечерам тусишь или как?..

Секретарша редакции, бывшая — он смотрел в личном деле, расковырять комп отдела кадров заняло пять секунд, — на два года моложе его, смотрела как-то слишком жалостливо, с сочувствием и пониманием, словно он идиотик, по случаю откосивший от клиники.

— Вася, что ты хочешь узнать?

Бэзил Gotten Пивных хотел пригласить ее на кружку пива в соседний скверик, и больше ничего он не хотел узнавать! Ну, можно на чашку молока в кафе «Сапоги да гвозди», тоже нормальное место. Там полно своих, и завалить туда с клевой девчонкой было бы шикарно, ах как шикарно!

— Ты это, слушай!..

— Что?

Телефон у нее опять зазвонил, и она опять не взяла трубку.

— Слушай, — в третий раз начал он свое романтическое приглашение, но язык внезапно перестал повиноваться и без всякого согласования с мозгом и желаниями хозяина вдруг понес то, что было для него привычней: — А хочешь, я твою трубу спарю с другой трубой, а?

Марьяна помолчала.

— Для чего... спаришь?

Ответа на этот вопрос начальник компьютерного отдела не знал.

— Не, — сказал он растерянно, — это же по прико-

лу, да? Напер кучу халявной инфы, надо только следить, чтобы не подпалил никто, но это я того... проследжу. — И с надеждой: — Хочешь?

Марьяна, будь она неладна, не хотела никакой «халявной инфы», а хотела, как пить дать, в «мерине» папика покататься или что там у него?.. «Бумер», что ли?.. И плевать ей было на то, что Бэзил Gotten не просто там какой-нибудь «юзер», а нормальный чувак с мозгами!

Стоять рядом с ней дальше было решительно незачем, и «нормальный чувак с мозгами» побрел к двери в приемную, загребая раззявленными кроссовками светлый ковролин.

Ну ничего! Завтра они с Лехой, то есть, пардон, с Алексом, непременно валят в Питер на тусу, и там, конечно же, будут обалденные девчонки, про Марьяну он и думать забудет!

Не, а по приколу, если они там посреди улицы — есть там у них улица какая-то, вроде нашей Тверской, черт, как же ее?.. — вот если они посреди этой улицы начальницу словят?! Нет, ему, Бэзилу, она вообще голубо фиолетова, но порешили же ей ничего не говорить, потому что, кроме попойки в компьютерной тусовке, у них с Лехой — ой, то есть с Алексом, Алексом, как же это запомнить-то?! — есть важное дело.

Некий неизвестный, тоже, видать, папик, захотел программу, такую особенную, обещал заплатить хорошо, а кто же от такого откажется?!

Договаривался Ле... Алекс, Алекс договаривался, и по условиям зачем-то нужно хреначить в этот самый Петербург, а туда же — на тебе! — начальница мылится! Вот идут они по улице, которая у них вместо Тверской, и Любанова выруливает, то-то видок у нее будет! Говорят, городок-то маленький, не Москва-столица!.. Бэзилу от этих мыслей было немного неуютно, как и

от предстоящей работы — все-таки он никогда и ничего не взламывал... за деньги. Все больше для собственной чистой радости, кроме того, среди «программеров» неприлично платить за время в сети, гораздо приличней у лохов натырить! У лохов он тырил, а по заказу, да еще незнамо что... нет, никогда. Может, от этого-то он и чувствует себя проституткой, а не тем, кто он есть на самом деле, — продвинутым «программером»! А может, от того, что Марьяна смотрела так жалостливо!

Впрочем, печалиться некогда.

Бэзил Gotten Пивных со странным тяжелым чувством покинул приемную главного редактора Валерии Алексеевны Любановой, и если бы кто-нибудь сказал ему, что это чувство называется интуицией, и это именно она, интуиция, подсказывает ему, Бэзилу, что не надо ездить ни в какой Питер, и телефон того, кто предложил им легких денег за странную программу, тоже хорошо бы забыть навсегда, а компы, в которых номер остался, свести на городскую свалку и порубить там топором в мелкий винегрет, Бэзил бы ответил этому кому-нибудь, что он ламер последний!

— Говорят, Баширов очень нашим заказом интересуется.

— Откуда такие сведения поступили?

Лера Любанова завела глаза к потолку и вверх, в направлении потолка, помотала головой, как будто сведения поступили непосредственно с небес.

— Из Лондона.

— Ты общалась?.. — непонятно спросил Константин, и Лера кивнула. Роман Полянский провел в блокноте длинную черту, словно подытожил нечто важное, хотя ничего такого он не итожил и с неудовольствием отвернулся в сторону.

Странный вопрос Константинова он отнес на свой счет и немного обиделся. Такой вопрос мог задать только «посвященный» или особо приближенный, и, задавая его, Саша будто демонстрировал перед Романом свою близость к сильным мира сего.

Сильные — это Лера Любанова, рядышком, и Владимир Сосницкий, в отдаленной лондонской ссылке.

— Он сказал, что Садовников наверняка обращался и к Боголюбову тоже, но что-то у них не...

— Не срослось, — подсказал Константинов.

— Не сложилось, — не приняла подачу Лера, не любившая жаргон. — Боголюбов не дурак, чтобы такие вещи ни за что ни про что упускать. Кроме того, по слухам, за ним Баширов, который с нашим с незапамятных времен на ножах. Саш, я тебя прошу, пока меня не будет, ты пригляди за ребятами, чтобы они не наворотили чего не надо!

— Тебя не будет только один день.

Константинов очень не любил неясных поручений.

Он креативный директор, он придумывает оформление, дизайн, у него в подчинении пиар-служба, реклама и все такое, он не может «приглядывать» за отделами и за пишущей братией. Даже если возьмется ненароком, пошлют они его к черту — и будут правы!

— Нам очень важно, — говорила между тем Лера, — чтобы до подписания бумаг никакие сведения не просочились в прессу. Особенно во вражескую.

— Что есть вражеская пресса? — подал голос переставший обижаться Роман Полянский.

— Все, кроме нас! — провозгласила Лера. — Есть только мы, и больше никого! Надеюсь, это как раз понятно, мальчики?

Мальчикам все было понятно.

Грядущие президентские выборы — вот что забо-

тило всех крупных и очень крупных политиков и бизнесменов! Несмотря на то что на предыдущих выборах им всем доходчиво и с примерами объяснили, что на грядущих кандидат у нас будет только один, а остальным лучше не соваться и просто сделать вид, что это и есть демократия, но престол манил. Ох как манил престол!..

Белые начинают и выигрывают.

Садовникова, лидера правых, поддерживал «лондонский изгнанник» Вадим Сосницкий, а кого поддержит Ахмет Баширов, было пока не слишком понятно — все-таки до престольного праздника, или престольной битвы, — кому как больше нравится! — оставалось еще полтора года. Ходили слухи, что Баширов и Кольцов, два супертяжеловеса-миллионщика, объединятся и поддержат какого-то центристского кандидата. И именно потому, что это было самым логичным, журналисты и политики подозревали, что ничего такого не произойдет.

В конце концов, только в старушке-Европе государственная власть держится на объединении интересов и капиталов, а в России-матушке со времен Новгородского княжества эта самая власть держится на расколе и междоусобице.

Дружили не «за», а «против», кто успел, тот и съел, нас не догонят, сегодня ты соратник, а завтра противник, причем непримиримый, причем самый главный, вот тебе, вот тебе, получай, получай!..

Предполагалось, что спарринг между кандидатами на престол будет жестким и циничным, и сейчас, на берегу, как будто прощупывалась будущая глубина этого самого цинизма — по пояс, по горло или по самую маковку. Лере Любановой и ее журналистам представлялось, что даже глубже, чем по маковку.

Нефтяное благополучие последних лет, когда зо-

лотой водопад низвергался на державу просто так, потому что баррель вместо одиннадцати долларов вдруг стал тянуть на полтинник, убаюкало и усыпило тысячеглавую гидру государственных проблем, которая еще так недавно разевала всю тысячу своих пастей. Тоненького ручейка, который оставался после того, как водопад распределялся по личным карманам, вполне хватало, чтобы кормить и поить народ. Сонное состояние гидры именовалось почему-то «стабильностью», хоть и понятно было, что цена ей — грош, и как только тот самый баррель вдруг станет стоить даже не одиннадцать, а восемь долларов, все, все пропало!..

Производства стоят, как и стояли, новых технологий как не было, так и нет, наука не только умерла, но ее даже и похоронить успели, и на похоронах сплестать — научные институты сдали в аренду под казино, компьютеры продали налево, истребители разобрали на «цветные металлы», а криогенные установки по дешевке сплавляли китайцам, им нужнее, они хоть знают, что с ними делать!..

Гидра, убаюканная ручейком, все спала и даже похрапывала.

Чернобыльцы пару раз объявили голодовку, требуя выплат многолетней давности, шахтеры побузили на окраинах, военные в очередной раз подтянули пояса и с тоской огляделись, что бы такое еще продать. Продавать больше было нечего, все уже продали. На задворках тлела война, которой не было ни конца ни краю, и стыдливые лицемерные рассказы о ней в новостях напоминали хронику советских времен — вот сельчане отправились к урнам для голосования, чтобы «выразить волю» и «поддержать законную власть». Вот над школой затрепетал российский флаг, за партами сидят чумазые и глазастые дети в платках и фуфайках,

тарашатся в камеру. Вот «гостеприимно распахнул двери» институт, готовый принять первых студентов.

По ночам стреляли не только в горах, но и в городах, на блокпостах взрывали заминированные машины, как будто сами по себе вдруг находились склады с оружием, которого хватило бы на то, чтобы вооружить до зубов армию небольшого, но амбициозного государства.

И все это было так привычно, так невыносимо скучно, что журналисты почти зевали, когда рассказывали про институт, «гостеприимно распахнувший» двери. К взрывам в метро все тоже быстро привыкли, как и к тому, что вдруг повсеместно стали гореть дома — а куда же им деваться, они свой век отжили, а два века не протянешь!.. Ремонтировать их было не на что — весь ручеек уходил на усыпление гидры, — новые строить тем более не на что, и плачущие люди в платках и мятых ночных рубашках, в несколько часов потерявшие все, вызывали только минутное сочувствие, не больше.

Беспризорники заполнили вокзалы и рынки, и о том, что нынче их почему-то развелось еще больше, чем во время Гражданской войны, тоже говорилось стыдливо и негромко, словно никто в этом не виноват, да и особенного ничего нет. Подумаешь — беспризорные дети в официально не воюющей стране, а что тут такого?! Бомжи с наступлением весны вылезли из теплотрасс и подвалов на свежий воздух, в скверики и парки, и теперь дети в ярких комбинезонах, которых вели за руку мамы, старательно обходили спящих на газетах, обросших сивыми бородами мужчин и краснотлицых женщин в свалывшихся шапках.

Зато повсеместно открывали залы игровых автоматов и игорные клубы, вокруг которых толпились немые подростки с лихорадочными губами и глазами.

Держава прогуливала дармовые нефтяные доллары и в ус не дула, и все понимали, что вот-вот всему настанет конец.

Те, кто еще несколько лет назад так рвался к власти, так спешил, так ратовал за народ и процветание, дорвались, передушили конкурентов и с азартом и жадностью дорвавшихся стали хватать, тянуть, грести, волочить, красть, рассовывать по карманам и счетам. От них не было спасения. Они ничего не видели вокруг, они жадничали и давились, но остановиться не могли — время их поджимало, время! На следующих выборах на смену им придут другие и передушат нынешних, тех, кто не успеет убежать, и припадут к кормушке, и начнут хватать, грести, рассовывать по счетам и карманам. Самые разумные, насосавшись, отваливались, как пиявки, и, рыгая и ковыряя в зубах, отправлялись «на покой» — в тихие спокойные страны, где продаются особняки и футбольные клубы, а также острова с народцем, яхты и лагуны, и располагались там уже навсегда, надежно, основательно, с достоинством и благожелательным взглядом на мир.

Журналистам было скучно. Невыносимо скучно. Писать не о чем и снимать нечего.

В прошлом году от летней сонной скуки напали вдруг на некоего эстрадного деятеля, который, тоже от скуки, обляял на пресс-конференции некую журналистку — можно подумать, что он первый обляял или последний!.. Скандал вышел на всю страну, и вся страна была всерьез озабочена этим вопросом, и заговорили даже о «возрождающемся национальном достоинстве», в том смысле, что это самое достоинство и пограл эстрадный деятель. Суд присудил деятелю извиниться, и тот извинялся и каялся, и опять на всю страну разбирались, от души он покаялся или нет, и сочувствовали оскорбленной, и вспоминали с умилением, что вот в

былые времена мужчины женщин не оскорбляли и в их присутствии не садились даже, не то что уж матом крыть! Оскорбленная прославилась, а деятель приуныл, и журналисты написали, что хамить никому не позволено!..

Потом все опять встрепенулись и наострились, как морские коньки. Говорят, что морской конек большую часть жизни проводит почти что в спячке и только время от времени, подчиняясь загадочному биологическому ритму, вдруг пробуждается и летит без разбора невесть куда.

Некий скромный министр из ничего не означающего министерства с бухты-барахты принялся крушить чужие особняки и дачи — бороться за сохранение природы. Толком никто не знал, сколько именно особняков он сокрушил, и сокрушил ли вообще, и чьи, но выглядел министр внушительно. Брови сдвигал строго и говорил министерским голосом: «Мы не позволим!» Пока разбирались, чьи дачи сокрушать первыми — политиков, или артистов, или обыкновенных обывателей, — в центре Москвы порубили пару чихлых сквериков и тройку детских площадок. В сквериках заложили небоскребы, а на площадках — гаражи, — а что делать, мегаполис растет, развивается, приезжих селить некуда, только в небоскребы! Перепуганные жители соседних домов выдвинулись с плакатиками и нарисованными от руки транспарантами — не надо, мол, небоскребов, у нас солнца и так нет, сплошная загазованность и нарушение норм освещенности, но министру в это время было некогда. Он воевал с не ведомыми никому дачниками.

Но и эта тема наскучила — очень скоро. Морской конек впал в спячку и пробудился только от того, что папа римский плохо себя почувствовал. В стране, где религию отменили несколько десятилетий назад, при-

чем основательно отменили, со скидыванием крестов и расстрелом духовенства, здоровье папы стало, разумеется, темой номер один — а как же иначе?! Некоторое время гадали, помрет или не помрет, и с удивлением показывали людей по всему миру, которые искренне за этого самого папу переживали, некоторые даже плакали. Папа балансировал между жизнью и смертью, и это тоже быстро надоело — ну а дальше что?!

Ну совсем ничего, ну что же делать-то?!

Вольнодумные каналы все позакрывали еще сто лет назад, вольнодумных журналистов, которые утверждали, что войну надо заканчивать и бюджетникам платить, отправили на вольные хлеба, а немногочисленные оставшиеся осторожничали и боязливо жались. Шут ее знает, свободу эту!.. Сегодня свобода, а завтра Тишина Матросская, кому она нужна такая?

Вокруг было липко и влажно, и как-то невыносимо, как бывает, когда туча уже сожрала горизонт и подбирается все ближе и ближе, и внутри ее все наливается лиловым и черным, и ветер крутит песчаные вихри, и оттуда, издалека, тянет холодом и чувством опасности, и все еще непонятно, что там — дождь или смерч?..

Эта туча — будущие президентские выборы — никому не давала покоя, все косились на нее, понимая, что она уже близко, вот-вот подойдет, и остались последние, самые последние дни, когда можно жить, делая вид, что ее нет.

Валерия Алексеевна Любанова, главный редактор газеты «Власть и Деньги», видела ее так хорошо, как будто рассматривала в тысячекратный бинокль.

Ее завтрашняя встреча с предполагаемым кандидатом — первый раскат грома, вывалившегося из лилового брюха.

Она поняла, что уже давно молчит, думая о своем, только когда Саша Константинов осторожно позвал ее:

— Ле-ера! Ты где?

Она услышала и словно моментально проснулась:

— Прошу прощения, я задумалась.

— Да мы поняли уже! — Полянский улыбнулся. — Лер, наши сепаратные переговоры с Садовниковым всем известны.

— И что?

— Мы не сможем ничего скрыть от... вражеской прессы, как ты это называешь.

— Господи, Рома! — сердито сказала Лера. — Что ты как маленький! Я просила, чтобы ничего не просочилось до нашей встречи, то есть до завтрашнего вечера, а потом, конечно, все узнают, а как же иначе!

— Боголюбов нас не простит.

Андрей Боголюбов владел газетой «БизнесЪ», которая испокон веку конкурировала с «Властью и Деньгами». До сих пор было не слишком понятно, кого из кандидатов поддержат Боголюбов и его газета, только какие-то слухи доходили, но, насколько могла судить Лера, Ахмет Баширов, принципал Боголюбова, еще не принял окончательного решения.

— Помните, в двухтысячном было громкое убийство главного редактора «Вестей»? Тогда говорили, что он как раз Боголюбову дорогу перешел и тот его...

— Это в тебе играет то, что тебя по ошибке назвали именем великого режиссера, — объявила Любанова, — снимал бы ты лучше концептуальное кино, господин Роман Полянский!

Первый заместитель неинтеллигентно сопнул носом и отвернулся. Его шикарное имя служило в редакции и ее окрестностях поводом для постоянных шуток с первого дня его пребывания «в должности», уже примерно полгода. Кроме того, он был красив утонченной

красотой, любил сладкие духи, слабые сигареты и шоколад. Он носил очки, старательно холил свою щетину, всегда пребывавшую как будто в состоянии трехдневной давности, и очень любил себя. При этом он был исключительно профессионален во всем, что касалось журналистской работы, умело вел сложные переговоры и понимал, что нужно делать для того, чтобы поддерживать репутацию самой лучшей газеты в стране.

«Власть и Деньги» как раз таковой и была.

— Ну что ты сопишь, сокровище? — спросила Любанова. — Не нарекли бы тебя Романом, и не обзывался бы никто!

— Мне не нравится, что мы не знаем, кого поддержит газета Боголюбова.

— Это никому не нравится, — сказал Константинов.

Он в редакционной политике, как и в политике вообще, не слишком разбирался и не понимал, зачем Лера задержала его в кабинете. Вряд ли затем, чтобы он на самом деле в ее отсутствие контролировал журналистов!

— А... в Лондоне не известно, за кого Боголюбов?

— Нет, — отрезала Лера. — Если бы там было известно, я бы тоже знала. Поживем — увидим.

— Ну да, — согласился тезка великого режиссера, — если нас не постигнет участь главного редактора «Вестей»!

— Типун тебе на язык!

И все замолчали. Креативный директор рассматривал свои запонки — на одну даже подышал и потерял ее о джинсы, чтобы ярче сверкала. Первый заместитель нарисовал в блокноте еще одну длинную черту и теперь любовался на нее.

Помолчав, Любанова поинтересовалась:

— Ну? И почему никто у меня не спрашивает, что за совет в Филях?

— Да, — сказал Константинов и оторвался от запонки. — Что за совет в Филях?

— Пошли на крышу, — вдруг предложила Лера. — Что-то душно здесь. Прямо беда — в апреле еще снег лежал, в мае жара невыносимая!

Во всех помещениях самой лучшей газеты России, разумеется, работали кондиционеры. В этом офисе никогда не было ни холодно, ни жарко, здесь было уютно, просторно, вкусно пахло, и каждый входящий начинал немедленно чувствовать волнуемый ноздри запах — запах больших денег. Здесь тянуло ударно работать, демонстрировать ум и эрудицию и созидать во имя родины и свободы слова, такой уж офис!..

Пойти на крышу — означало поговорить совсем уж начистоту, без предполагаемой «прослушки». Никто точно не знал, есть в офисе эта самая загадочная «прослушка» или нет, и на всякий случай считалось, что есть.

Любанова распахнула стеклянную дверь, перешагнула низкий порожек, застучала каблучками по разноцветной итальянской плитке, которой был вымощен «патио». Константинов поднялся, а тезка великого режиссера медлил. Он не любил стоять рядом с креативным директором — так сразу становилось очень заметно, что он значительно ниже ростом.

— Ну чего? — спросил Константинов, словно сам у себя. — Пошли, что ли?..

Похлопал себя по коленям, как отряхнул, и вышел следом за главной. Полянский закурил, чтобы было понятно, что он задержался не просто так, а именно для того, чтобы закурить, и потянулся за ними. Любанова смотрела вниз, свесившись через перила.

— Свалишься, — сказал Константинов, подходя.

Ветер трепал ее волосы, казавшиеся на солнце очень черными. У нее были неправдоподобно черные волосы и неправдоподобно голубые глазищи — как у кинодивы. Константинов, как всякий мужчина, ненавидел притворство, или думал, что ненавидит, а потому очень интересовался, что поддельное, волосы или глаза с линзами?

— Высоты боюсь, — сказала Любанова, — до судорог. Тянет кинуться.

— А зачем тогда смотришь?

— Волю закаляю.

Вот так всегда. Невозможно понять, шутит она или говорит серьезно.

Подтянулся Полянский и остановился в некотором отдалении — галстук летит по ветру, волосы развеваются, сигаретка сладко и тонко пахнет. Наполеоновским взором он обозрел расстилавшийся пейзаж, а потом как бы невзначай перевел взгляд на Леру и Константинова. Это означало, что мешать парочке романтически любоваться панорамой новой Москвы он не хочет, но все же пора бы выяснить, что за секретность такая и тайные разговоры.

Лера повернулась спиной к голубому простору, положила локти на перила и согнутую в колене ногу пристроила — амазонка, одним словом, да еще и волосы летят.

— Значит, так, — сказала она и посмотрела по очереди на каждого из сообщников. — Есть у меня одна крамольная мысль. Следующего содержания. Что-то мне показалось, что Сосницкий решил Садовникова кинуть, а вину свалить на нас. То есть конкретно на меня. И поездка наша в Питер — просто...

— Подстава, — закончил Константинов.

— Просто для отвода глаз, — твердо договорила Лера, не любившая жаргон и позволявшая его себе

только в разговорах с бандерлогами. — Мы как бы обо всем договоримся, а потом из Лондона скомандуют все остановить, потому что мы плохо договорились. Возможно такое?

Роман Полянский даже про свою сигарету забыл. Она тоненько дымилась у него в пальцах, а он во все глаза смотрел на Леру.

— А... с чего ты это взяла?!

Она сделала нетерпеливый жест:

— Ну... скажем так, мне показалось.

— Тебе *показалось*, что Сосницкий хочет нас подставить?!

— Да, — спокойно сказала она. Ее трудно было взять на испуг, вернее — невозможно.

Константинов молчал.

— Таким образом, мы не получаем финансирования и остаемся должны миллионов... несколько. Мальчишки, у вас есть несколько миллионов на тот случай, если мы их кому-нибудь задолжаем?

— Но, — растерянно начал Полянский — это же нелогично! Это просто... глупость, извини меня, Лера! Зачем Сосницкому таким странным способом гробить собственную газету, да еще успешную, популярную и все такое? У нас тиражи сумасшедшие, рекламы полно, у нас...

— Ну, допустим, затем, что просто так прикрыть нас он не может, ему нужен повод. Он его искусственно создает, вот и все.

— Да, но зачем?! Зачем?!

— Ну, предположим, затем, чтобы показать властям, что в будущих выборах ни он, ни его деньги участия принимать точно не будут.

— Сосницкий откажется от выборов?! Это невозможно.

— Почему? — спросил Константинов. — По-моему, вполне.

— И по-моему, вполне возможно, — поддержала его Лера. — Он может свой отказ от участия на что-нибудь обменять. На то, что ему сейчас больше всего нужно. К примеру, на гарантии, что в случае возвращения в Россию он не подвергнется ни преследованиям, ни экспроприации, ни национализации и так далее. Судьбу «Юкоса» не разделит. Спокойно займется своими делами. Все вокруг перестанут повторять, что Вадим Сосницкий Генеральной прокуратурой России объявлен в федеральный розыск и его фотографии разосланы в Интерпол, в Ми-6 и другие места. Он получит свободу передвижений и продолжит ковать свои миллиарды.

— Ему нужны деньги?

Тут Лера Любанова слегка рассмеялась.

— Ну, не думаю, что его интересуют деньги в нашем понимании. Его интересует... ох-хо-хо... ну, скажем, мировое господство. Он пересидел какое-то время, отдохнул, и все — вперед.

— А это... возможно?

— А почему нет?

Константинов все молчал, и его молчание тревожило Полянского. Опять получалось, что тот знает больше, настолько больше, что и говорить ему не нужно, и так все понятно.

— Подожди, — попросил Полянский, который не мог так загадочно молчать, как Константинов. Ему требуются разъяснения, вот пусть и разъяснят, а не молчат загадочно! — Садовников, лидер партии «Россия Правая», на выборах должен получить поддержку СМИ. Самая правая газета в стране — наша, и совершенно логично, что именно от нашей газеты он получит эту самую поддержку...

— Платформу, трибуну и плацдарм, — договорила Лера за него. — Все так.

— Наша газета пиарит его во время предвыборной кампании, и он набирает очки и получает голоса.

— Ну да, да!.. Все как обычно.

— Всем понятно, что его не выберут, да это и не нужно. Нужно на шуметь и заставить людей запомнить себя как радетеля за народные блага. Пока все правильно?

— Склифосовский, — сказала Лера и заправила за ухо летящие волосы. — Короче!

Но Полянский становился упрямым как мул, когда ему было нужно. Это его ценное качество было известно всем, и начальникам, и подчиненным. Из-за упрямства от него когда-то ушла жена, да так до сих пор и не вернулась!..

— Платформу и плацдарм Садовникову предоставляет Вадим Сосницкий. У Сосницкого подмоченная репутация и очень много денег.

— И очень много амбиций, — подсказала Любанова.

— Да. И амбиций. Наша газета принадлежит Сосницкому, и он обещал Садовникову и правому делу поддержку на выборах. И... что? Где подвох? Все это делалось уже десять раз, у каждой газеты и у каждого канала свой кандидат, которого они ведут, или парочка кандидатов! Зачем Сосницкому кидать нас посреди дороги вместе с Садовниковым?!

— Например, чтобы продемонстрировать властям и будущему президенту лояльность, — сказала Лера. — Это в девяносто шестом было непонятно, кто победит, то ли Ельцин, то ли Лебедь, то ли папаша Зю!.. А сейчас-то все понятно. Садовников бодро-весело начинает пиариться в нашей газете, использовать ее как трибуну, рупор и все такое. Проходит несколько месяцев, у Садовникова все хорошо, рейтинг растет, и свои де-

нежки он отработывает. В этот момент вдруг Сосницкий перестает его поддерживать. Причем не просто перестает, а закрывает газету — по объективным причинам. Причины могут быть, например, такие. Мы, договариваясь с Садовниковым и подписывая с «Россией Правой» соглашение о сотрудничестве, нарушили пункт сто семнадцать прим Закона о средствах массовой информации, и Минпечать отзывает нашу лицензию. Придраться ни к чему невозможно. Любанова подписала бумаги не глядя. Юристы все проморгали. Садовников моментально теряет все набранные очки, потому что искать равноценную поддержку и платформу у него уже нет времени, а «Власть и Деньги» закрыли. Сосницкий вроде ни при чем, а у нас миллионные неустойки, процедура банкротства и продажа квартир, машин и детей.

— А Сосницкий заодно, — закончил Константинов, — таким образом демонстрирует полную лояльность единственному правильному кандидату. Потому что неправильный слетает, не дойдя даже до процедуры выборов.

— Вот именно, — согласилась Лера. — Ну, как вам схема?

— Абсолютно неправдоподобно, — быстро сказал Полянский. — То есть, по-моему, это невозможно.

— Очень правдоподобно, — сказал Константинов неторопливо. — И легко технически.

Полянский пришел в раздражение.

— Быть может, я чего-то не знаю, и тогда тебе, Лера, придется мне объяснить. А на первый взгляд вся твоя теория гроша ломаного не стоит. Газета существует уже десять лет. Зачем Сосницкому может понадобиться именно сейчас ее угробить?! Перед самыми выборами?

Она пожала прямыми плечами: